

3. Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии (Сочи). 1920. 4 марта.
4. Там же. 25 февр.
5. Главкомандующий Крестьянского ополчения.
6. Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии (Сочи). 1920. 24 февр.
7. Там же.
8. Там же.
9. Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии (Сочи). 1920. 25 февр.
10. Там же. 2 марта.
11. Там же.
12. Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии (Сочи). 1920. 2 марта.
13. Так в документе.
14. Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии (Сочи). 1920. 2 марта.
15. Там же.
16. Архивный отдел администрации города Новороссийска (АОАГН). Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.
17. Заря Черноморья (Сочи). 1920. 23 марта.
18. Там же.

Ю.Н. Макаров

УСКОРЕНИЕ ПРОЦЕССА АТЕИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ОКОНЧАНИЯ НЭПА (КОНЕЦ 1920-х – НАЧАЛО 1930-х гг.)

Период относительного затишья на антирелигиозном фронте, так называемого «религиозного нэпа», завершился вместе с нэпом экономическим. Признаки надвигающихся перемен стали ощутимы уже во второй половине 1926 г. – начале 1927 г. В июле 1926 г. Объединенный пленум ЦК и ЦКК, подчеркнув, что в ходе первой после окончания Гражданской войны выборной кампании в Советы активизировалось участие «трудящихся слоев мелкой буржуазии», призвал к осуществлению «беспощадной борьбы со всякими попытками отстаивать свои идейные и политические позиции: например... политикой использования против интересов пролетарской диктатуры некоторых... культурных и

религиозных организаций» (особенно в национальных районах страны).

2 марта 1927 г. Бюро ЦК ВЛКСМ, указав на то, что проблемы хозяйственного строительства неправомерно отодвинули на задний план задачи антирелигиозной работы, потребовало срочно исправить положение и усилить атеистическую пропаганду (не прибегая при этом к методам 1922–1923 гг.) [1]. В апреле 1927 г. «Комсомольская правда» заявила, что противоборство с религией в новых исторических условиях приобретает характер классовой борьбы и призвала каждого члена ВЛКСМ стать воинствующим безбожником [2]. 11 мая 1927 г. Бюро Ленинградского губкома обратило внимание первичных парторганизаций на «недостойное существование» структур Союза безбожников (СБ) на местах [3]. 27 июля 1927 г. Бюро ЦК ВЛКСМ [4], констатировав факт активизации «фронта религии» и совершенствования форм и средств религиозного воздействия на массы, вынуждено было признать известные успехи мировоззренческих противников среди «некоторых слоев трудящегося населения». В сентябре того же года, в беседе с представителями американских рабочих организаций, И. Сталин, в свойственной ему катехизисной манере вести разговор, на заданный самому же себе вопрос: «...подавили ли мы реакционное духовенство?» – ответил, что «да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано» [5]. После этого, 22 ноября 1927 г. газета «Правда» устами Е. Ярославского потребовала преодолеть ликвидаторские настроения в среде антирелигиозников, являвшиеся, по его словам, следствием неправильной трактовки соответствующих «мягких» резолюций XIII съезда партии, и устранить то ненормальное положение, при котором «СБ» в ряде областей фактически существует на полулегальном положении. «Новые богоборческие веяния» были аккумулированы в выступлении И.В. Сталина на XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.), резко критиковавшего неких ответственных работников (конкретно не поименованных), допустивших ослабление антирелигиозной работы [6]. В апреле 1928 г. на собрании московского партактива И.В. Сталин, развивая тему наступления на кулака, опять-таки увязал ее с необходимостью проведения «самой боевой антирелигиозной ра-

боты в массах»: «Мы предприняли вмешательство партии в заготовительную кампанию и удар по кулацко-спекулянтским элементам. ...Получилась в известной степени такая же комбинация... какая имела место в 1921 г., когда партия... поставила вопрос об изъятии ценностей из церквей на предмет приобретения хлеба для голодающих... Дело в том, чтобы связать широкую массовую антирелигиозную кампанию с борьбой за кровные интересы народных масс и повести ее таким образом, чтобы она, эта кампания, была понятна для масс... была подержана массами» [7].

Высказывания лидера были правильно поняты партийно-комсомольскими активистами. Уже 22 и 24 декабря 1927 г. «Комсомольская правда» поместила две передовицы под характерными заголовками: «Ударим по классовому врагу» и «На службе нэпмана и кулака (религия, попы, сектанты)». 6 июня 1928 г. Оргбюро ЦК КП(б)У, приняв специальное постановление «Религиозное движение и антирелигиозная пропаганда», призвало коммунистов учиться распознавать классового врага под религиозными одеждами, как бы он не маскировался. Особое внимание акцентировалось на необходимости разоблачать реакционную суть мнимолояльной «перекрасившейся» части православного духовенства [8]. 10 декабря 1928 г. состоялось специальное заседание Оргбюро ЦК [9] под председательством Л. Кагановича, собравшееся с целью выработки конкретных мер, направленных на активизацию антирелигиозной работы [10]. Его участники наперебой говорили о «недопустимой терпимости» и «потере бдительности» партийными ячейками, о либеральничании НКВД и Главлита по отношению к классовому врагу, укрывающемуся за церковными вывесками; о слабом использовании политико-административных мер борьбы с религиозным влиянием, о том, что решение важнейшей политической задачи переложено исключительно на плечи СБ, вместо того, чтобы навалиться на религию и Церковь всем партийно-комсомольским миром. Раздавались призывы не моргать, выйти из окопов, бить по рукам, выкорчевывать и т.д. («мы в сто раз пассивнее в этом вопросе, чем буржуазные революционеры Великой французской революции ...», – заявлял Е. Ярославский).

Диссонансом в общем хоре прозвучали слова предостережения из уст члена Президиума ВЦИК П.Г. Смидовича, указавшего на то, что «активное политическое воздействие» на религиозные объединения может привести к противостоянию одних групп трудящихся другим («Правильно ли поймут? Стоит ли Компартии брать исполнение административных функций на себя?») [11]. Собравшиеся Смидовича одернули («полное отрицание мер административного воздействия ведет к развязыванию... антисоветских элементов»), хотя его замечания и были, в известном смысле, учтены при окончательном редактировании текста секретного циркуляра «О мерах по усилению антирелигиозной работы», выработанного по итогам состоявшегося обсуждения, а затем и одобрения членами Политбюро (24 января 1929 г.) за подписью Л. Кагановича, разосланного (14 февраля 1929 г.) на места. Циркуляр, содержащий все общепринятые партийные оговорки по поводу осторожного отношения к верующим (не допускать рецидивов переоценки значения огульных, административно-политических, антиклерикальных методов борьбы с религией; при выборе способов преодоления религиозных влияний – различать низы и верхи, вожakov религиозных союзов и рядовых членов общин и др.), по сути своей, настаивал и настраивал местное партийно-советское руководство на принятие самых жестких мер в отношении конфессиональных структур, как «единственно легально действующих контрреволюционных организаций, имеющих влияние на массы», мобилизующих реакционные и малосознательные элементы в целях наступления [12] на мероприятия советской власти и Коммунистической партии [13].

Содержание циркуляра во многом предопределило дальнейший ход развития событий [14]. Газета «Правда» в номере от 25 декабря 1928 г. подвергла критике тех партийцев, которые думают, будто религия может отмереть сама, и призвала партийные комитеты не перекладывать ответственность за проведение антирелигиозной работы исключительно на СБ [15]. Уже в конце 1929 г. партийно-государственные инстанции разного уровня безапелляционно заявляют, что церковно-православные и сектантские структуры «стоят за спиной кулака» и что именно поддержка Церкви, превратившейся в центр притяжения реакционных элементов, увеличивает силы и идеологизирует частного в его проти-

востоянии с советской властью (единый антисоветский фронт). Констатировалось, что Церковь для сохранения остатков своего влияния в массах пытается спекулировать на пережитках национализма. На XVI партконференции (апрель 1929 г.) к контрреволюционным проявлениям были причислены «антисемитизм, [и] элементы, не порвавшие окончательно с религиозными обрядами...». Принимается решение вывести представителей духовенства из состава деревенских партячеек. При этом религия в партийно-советских документах характеризовалась не иначе, как антипролетарская идеология, а борьба на антирелигиозном фронте фактически отождествлялась с классово-политической борьбой [16], которую ведет труд против капитала во всемирном масштабе («выполняя заповеди религии, ты... поддерживаешь классового врага») [17]. Утверждалось, что каналы религиозного влияния используются в качестве средства «подготовки к восприятию интервенции». Неудивительно, что ведение антирелигиозной работы было приравнено (решениями высших партийных инстанций: резолюция Секретариата ЦК РКП(б) от 28 мая 1926 г., продублированная впоследствии Бюро ЦК КП(б) Украины от 7 августа 1929 г., Секретариата ЦК КП(б) Белоруссии от 15 апреля 1929 г. и т.д.) к важнейшим партпучениям [18].

В русле партийных директив действовали и комсомольские лидеры. Добиться решительного перелома в антирелигиозной работе, отойти от голого просветительства, ведущего к замазыванию классовой роли религии, потребовали у комсомольцев VIII Всесоюзный съезд (15–16 мая 1928 г.) и VI Всесоюзная конференция ВЛКСМ (июнь 1929 г.) [19]. ЦК ВЛКСМ постоянно критиковал свои первичные организации за медлительность в перестройке антирелигиозной работы, настаивая на необходимости добиться 100% вовлечения комсомольцев в состав ячеек СБ [20]. Активизировалось и руководство СБ, подстегнутое директивой ЦК ВКП(б) и обозленное неожиданными выпадами против верхушки СБ на страницах «Комсомольской правды», редколлегия которой обвинила Центральный совет СБ в примиренческих настроениях [21]. В ходе возникшей полемики, сразу начавшей приобретать истерический характер, вопрос об отношении к «антисоветским» действиям тех или

иных конкретных представителей конфессиональных объединений трансформировался в иную плоскость – целесообразности дальнейшего существования религии и Церкви в Советской стране [22]. Возобновилось обсуждение вопроса о конкретных путях и сроках ликвидации религиозных пережитков с целью скорейшего превращения СССР в безрелигиозное общество. Под флагом не только мировоззренческой, но и классовой непримиримости прошли Антирелигиозное совещание при Агитпропотделе ЦК (АПО) (июнь 1929 г.) и строго следовавший в фарватере тезисов, выработанных на этом совещании, 2-й Всесоюзный съезд СБ (также июнь 1929 г.), с этого времени переименованного в Союз воинствующих безбожников (СВБ) [23].

Левацкие призывы немедленно начали воплощаться в жизнь [24]. Антирелигиозная комиссия ЦК еще 13 июня 1928 г. приняла решение не разрешать проведение религиозных съездов чаще, чем один раз в три года. Предполагалось также добиться двукратного сокращения тиражей религиозных периодических изданий [25]. В декабре 1928 г. Оргбюро ЦК, а в январе 1929 г. Политбюро ЦК потребовали от советских структур «изжить практику хозяйственного обслуживания» конфессиональных организаций. Тут же руководством кооперации были даны указания на места о прекращении производства и продажи предметов религиозного культа. НКВД предписывалось отказывать религиозным общинам под тем или иным предлогом в аренде жилых и торговых муниципальных помещений, Госиздату – перестать печатать «мистику» и художественную литературу с ярко выраженным религиозным содержанием (в отношении классики – не допускать массового переиздания такого рода произведений). Комитету по делам печати были отданы распоряжения прекратить снабжать бумагой религиозные издательства. В 1929 г. профсоюз печатников отказался печатать в государственных типографиях религиозную литературу [26].

С 1927–1928 гг. по инициативе партийных инстанций (выступление Е. Ярославского на страницах «Правды» в преддверии XV съезда ВКП(б) [27]), при поддержке Союза безбожников и комсомола начался переход к активной и наступательной антирелигиозной работе в стенах общеобразовательных школ, школ крестьянской молодежи и т.д. В школах II ступени стали создаваться антирелигиозные

кружки [28]. ЦК ВАКСМ утвердил (1927 г.) Положение о молодежных секциях Союза безбожников, перед которыми ставилась задача – помочь внести перелом в школьный процесс антирелигиозного воспитания, сформировать у подростков уверенность в своих жизненных силах, устранить у них потребность обращения за помощью к небесным покровителям. В свою очередь при Центральном совете СБ в ноябре 1928 г. была организована специальная секция по работе среди детей и юных пионеров [29]. Малолеток, «родившихся от впавших в атеизм родителей», стали вовлекать в группы Юных безбожников (существовали до весны 1936 г.). В старших классах на регулярной основе начали функционировать ячейки СБ. В 1930 г. безбожников школьного возраста насчитывалось более 1 млн чел. К 1933 г. численность пионеров-безбожников должна была приблизиться, согласно объявленным контрольным цифрам, к 10–12 млн [30]. «Пионеротряды, принимайте всюду участие в борьбе за закрытие церквей! Во всех школах I и II-й ступени организуйте группы и ячейки Юных безбожников. ...К борьбе с пьянством, хулиганством, с религиозным дурманом, юный пионер, будь готов», – обращался к Всесоюзному слету пионеров 15 августа 1929 г. Е. Ярославский.

Постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» (конкретизированного Инструкцией НКВД № 238 за 1 октября 1929 г. «О правах и обязанностях религиозных объединений» и Инструкцией ВЦИКа от 16 января 1931 г. «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» [31]) бытие религиозных общин была поставлено под абсолютный контроль государственных органов. Новое законодательство превращало конфессиональные объединения в разновидность резервации, закрывало для них выход в общество, ограничивая сферу их деятельности задачами удовлетворения сугубо культовых потребностей верующих. Религиозным организациям не разрешалось создание кооперативно-производственных структур, касс для сбора добровольных пожертвований верующих [32] и касс взаимопомощи, детско-юношеских кружков, открывать библиотеки, читальни, врачебные пункты. Допускалась, правда, возможность созыва местных, всероссийских и всесоюзных съездов «рели-

гиозных обществ». Однако выбранные делегатами съезда исполнительные органы правом юридического лица не пользовались, культовым имуществом владеть не могли, заниматься аккумулярованием денежных средств им не дозволялось. Отныне было запрещено без санкции властей проводить даже общие собрания прихожан. Разрешалось осуществлять добровольные денежные сборы (в храме и за его стенами), но только среди членов данного религиозного объединения и только на цели культа. Устанавливать обязательные членские взносы, производить принудительные сборы средств на нужды конфессиональных структур или в помощь бедствовавшим священнослужителям и членам их семей строго воспрещалось. Ограничивались до предела возможности организации религиозных шествий вне стен культовых зданий, совершения обрядов под открытым небом (требовалась подача заявления за 2 недели вперед). Исключения составляли лишь экстренные случаи, связанные с посещением умирающих (в больницах, местах заключения) и похороны. Был изменен порядок обязательной регистрации религиозных обществ. Через процедуру регистрации должны были проходить все без исключения члены «религиозных обществ» и «религиозных групп» [33]. Священнослужители, приглашенные коллективами верующих в качестве наемных лиц, допускались к исполнению своих обязанностей лишь при наличии официального регистрационного удостоверения. Контролирующие инстанции получали право отвода сомнительных, с их точки зрения, кандидатур из состава исполнительных органов религиозных организаций (которые избирались на общем собрании в составе 3 человек – для «общества» и 1 человека – для «группы») или же из состава «двадцатки» членов-учредителей. Постановление предусматривало возможность мотивированного изъятия культового здания (помещения) по постановлению губисполкома (ЦИК автономии) с правом обжалования решения местных органов во ВЦИК в течение 2 недель. Договор об аренде национализированных муниципальных или частных домов мог быть расторгнут до истечения срока в соответствии с судебным решением [34].

Оговоримся также, что в первоначальном проекте постановления (1927 г.) отсутствовало положение о возмож-

ности граждан обучать и обучаться религии частным образом. У разработчиков текста имелись также намерения добиться введения единой формы существования конфессиональных объединений в виде «религиозной группы», аннулирования права верующих создавать «церковные и религиозные общества», проводить их съезды. Однако на последнем этапе обсуждения проекта культового законодательства, данные предложения поддержки руководства страны не получили [35].

В мае 1929 г. была изменена формулировка ст. 4. Конституции РСФСР. Из нее было изъято положение о свободе религиозной пропаганды (при сохранении «свободы религиозных исповеданий» и «антирелигиозной пропаганды»).

8 апреля 1929 г. при Президиуме ВЦИКа была создана специальная Постоянная комиссия по вопросам культов (во главе с П.Г. Смидовичем) [36]. Соответствующие структуры появились и в большинстве регионов страны (при Президиумах ЦИК АССР, краевых, областных исполкомах, горсоветах, в ряде случаев – при райисполкомах). С начала 1931 г. (после упразднения союзно-республиканских НКВД и структур НКВД автономных республик) им была передана вся информация по религиозной тематике, накопленная в предыдущий период в НКВД. Комиссии должны были согласовывать и координировать политику всех ведомств, так или иначе связанных с религиозно-церковными вопросами, вести статистический учет, регистрировать жалобы верующих на незаконные действия местных властей и т.д. [37]

Практически сразу же после опубликования текста Постановления от 8 апреля 1929 г. во ВЦИК и НКВД посыпались пожелания (требования) местных органов власти и ячеек СВБ об изменении только что вступившего в силу законодательства о культах в сторону дальнейшего ограничения сферы деятельности конфессиональных объединений. Так ЦС СВБ 8 января 1930 г. предложил (среди прочего) ввести арендную плату за пользование культовыми помещениями [38]. Административный отдел Леноблисполкома 21 февраля 1930 г. советовал сократить срок обжалования решений советских органов по поводу закрытия куль-

товых зданий до 7 суток; запретить осуществление сборов добровольных пожертвований у прихожан на дому и «шествия с целью избавления от засухи»; принять меры для ликвидации церковных библиотек; предоставить административным органам право отвода из состава исполнительных органов религиозных объединений лиц, хотя и являющихся неимуществами, однако же играющих (в силу своего религиозного фанатизма) роль «подставных лиц религиозных идеологов» [39]. Кроме того, местные органы требовали запретить молитвенные собрания вне церковных зданий (согласно постановлению от 8 апреля религиозные организации имели право, уведомляя власти, устраивать молитвенные собрания в помещениях, арендованных у частных лиц или местных Советов), исключить возможность строительства новых церквей; создать максимальные затруднения для деятельности епархиальных учреждений, ограничить перемещения епископата, запретить съезды религиозных объединений как форму религиозной пропаганды или (по крайней мере) исключить из повесток дня религиозных форумов «неясные формулировки» вроде «перспективы религиозной деятельности» и «текущие дела» [40].

Встречая повсюду в документах директивных и исполнительных органов конца 1920–1930-х гг. упоминание о скрытой и открытой контрреволюционной работе церковников [41], невольно задаешься вопросом: а насколько обоснованными были выдвигавшиеся в то время против конфессиональных структур и конкретных религиозных деятелей обвинения в антисоветизме и враждебной деятельности, насколько были оправданы, адекватны меры, применявшиеся государственными инстанциями для нейтрализации и пресечения религиозной активности?

Никто не будет спорить с тем, что ряд духовных лиц саботировали сами и убеждали своих прихожан саботировать (по принципиальным соображениям или с той целью, чтобы не нарушать прежнего уклада жизни) правительственную, скажем, экономическую политику. Не без участия священнослужителей по стране распространялись «письма Бога», направленные против хлебозаготовок, колхозного строительства, звучали призывы не принимать бумажных денег и укрывать разменную монету [42]. Нередко попус-

каемые духовенством крестьяне прибегали к силовым формам сопротивления (избиение милиционеров, членов сельсоветов) богоборческой политике властей.

Весной 1930 г. в ряде местностей (Дубовском районе Нижневолжского края, Псковском округе Ленинградской области и др.) волнения на религиозной почве заканчивались столкновениями значительных масс населения (до 1,5 тыс. чел.) с войсками ОГПУ [43]. В сводках НКВД за 1928–1929 гг. неоднократно обращалось внимание на то, что в большинстве учтенных случаев движение сопротивления хлебозаготовкам и коллективизации наряду с кулаками возглавляется и священнослужителями [44], научавшими прихожан не сдавать хлеб государству, организовывать отряды самообороны, «бить этих паразитов» (имелись в виду организаторы колхозного строительства и хлебозаготовители) [45]. Не случайно из числа осужденных в феврале – мае 1931 г. специальными тройками при уполномоченных ГПУ 8% составляли служители культа. В ряде приговоров речь шла о попытках (готовности) верующих, ведомых духовенством, использовать вооруженные формы борьбы с безбожной властью [46].

Многочисленные факты, приводившиеся в сводках ОГПУ (нелегальные совещания членов церковных советов и пр.), не создают, тем не менее, впечатления, что действия священнослужителей носили характер организованного и целенаправленного политического противодействия мероприятиям Советской власти. И совсем уж нет оснований (на уровне современных наших знаний) вести речь о некоем едином религиозном (тем более межконфессиональном) движении сопротивления большевистскому режиму, о некоем церковно-кулацком, поповско-сектантском блоке, якобы противостоявшем правящей партии. Провинность священнослужителей перед будущим колхозно-совхозным строем была не адекватна (ибо не было реальной опасности подрыва государственных устоев страны) тяжести тех карательных мер, что использовали чекистские органы против Церкви и верующих. Так в качестве примеров контрреволюционных деяний в сводках ОГПУ, НКВД, СВБ [47] фигурировали факты благотворительной деятельности религиозных объединений; высказывавшиеся верующими

вслух пожелания относительно предоставления лицам духовного звания всей полноты гражданских и политических прав; несвоевременное выполнения священниками возложенных на них государством обязательств по поставкам в госфонды зерна и иных продуктов сельского хозяйства [48]. Желание прихожан облегчить в бытовом смысле жизнь своим духовным пастырям (дрова, добровольные денежные пожертвования) еще более настраивали власть предрежащих против духовенства. Резко негативно, естественно, расценивалось стремление верующих вернуть храмы, закрытые в административном порядке, или начать строительство новых (в этом случае власти всегда искали инициатора подобного рода предложений, «коновода», организатора движения в защиту «незаконных» требований верующих).

Любой шаг священнослужителей (может быть, вполне искренний или сделанный из прагматических соображений), направленный на нормализацию отношений с безбожным государством (скажем, помощь в организации субботников), трактовалась как вредная для Советской власти попытка церкви мимикрировать и перекраситься в розовый цвет. Одинаково негативно оценивали власти факт организации церковных служб в рабочее время и попытки религиозных объединений подстроиться под производственный ритм жизни страны (пятидневка). Власти не допускали и мысли о праве верующих защитить самих себя, свое сознание, свою совесть, свою семейную жизнь от насильственного, зачастую циничного антирелигиозного давления.

Особое возмущение властей вызывали требования верующих и духовенства к центральному и местному руководству строго и точно исполнять советское культовое законодательство, обеспечивать верующим условия для отправления религиозных потребностей. Срыв богоборческих мероприятий и, не дай Бог, избиение верующими наиболее ретивых агитаторов-безбожников расценивались как контрреволюционный сговор и террор и подводились под расстрельные уголовные статьи.

Учтем при этом тот факт, что всплески религиозных эмоций, в которых местные власти неизменно усматривали политическую антисоветскую подоплеку, нередко или чаще

всего вызывались применением со стороны самих властей издевательских и циничных форм борьбы с религией. Чего стоят упоминавшиеся в секретных сводках ОГПУ–НКВД разбойные действия безбожников по уничтожению кладбищенских крестов (Сталинский округ УССР), соревнования по «сбору икон», нередко с привлечением учащихся средних школ (в январе 1930 г. Краматорские рабочие в соревновательном утаре сожгли 20 тыс. икон), кампании по выявлению религиозных вредителей на производстве, детское движение, направленное на то, чтобы заставить своих родителей перестать принимать священнослужителей на дому, посещать церкви и, в конечном итоге, организационно порвать с религиозными общинами [49].

Журнал «Антирелигиозник» в 1929 г. рекомендовал учителям и пионервожатым широко использовать в работе с подрастающим поколением антирелигиозные игры совершенно определенного свойства, а именно: «Святой мусор» (суть которой сводилась к тому, чтобы добиться массового сожжения родительских икон); или «Антирелигиозный тир» (предполагавший выработку умения метать стрелы по мишеням с религиозной символикой). Дети старшего школьного возраста устраивали настоящие стрелковые соревнования по иконам, собранным из бездействующих храмов. Очень перспективной казалась авторам богоборческого журнала и идея костюмированного антирелигиозного бала «Паразит». Приглашенные на бал должны были по правилам использовать в качестве костюмов облачения священнослужителей и монахов, густо усеянные изображениями пауков и клопов [50].

С 1927–1928 гг. в Ленинграде и Москве и в ряде других городов возобновились канувшие, казалось, в лету издевательски-шутовские антирелигиозные карнавалы [51]. В 1929 г. антирождественские и антипасхальные кампании фактически вновь приняли общеобязательный характер.

Во главе этих и других подобного рода инициатив стояло руководство СВБ СССР [52]. Е. Ярославский откровенно заявлял, что в новых исторических условиях чисто просветительские функции СБ должны, в известном смысле, отступить на второй план, а всю работу СВБ следует переориентировать на достижение совершенно конкретных

результатов в практической борьбе с религией. СВБ рассматривался партией как важнейшее средство перехода к безрелигиозному обществу, как «фактор социалистического строительства». На высшем партийном уровне были приняты решения (первоначально в апреле 1926 г., а с учетом особенностей нового исторического момента – в 1928–1929 гг.) о превращении СВБ в массовую многомиллионную организацию. Был одобрен организационный устав Союза, введен единый членский билет, ежемесячно собирались членские взносы, работники «учреждений и предприятий СВБ» как в центре, так и на местах приравняются по своему статусу к государственным служащим. Деятельность СВБ субсидировалась по партийной и по государственной линии, главным образом из бюджетов местного и республиканского (но не союзного) уровня (через ОНО, профсоюзы, кооперацию) [53]. Начиная с конца 1928 г., резко усиливается централизованное руководство СВБ (через партфракции) со стороны Оргбюро ЦК (постановление Оргбюро ЦК от 10 декабря 1928 г.; постановление Политбюро ЦК от 15 августа 1929 г.), вопреки, кстати, установкам Антирелигиозного совещания (апрель 1926 г.), отвергнутого, как мы помним, предложения о жесткой централизации атеистической работы и сделавшего ставку на принцип добровольности и местную инициативу низовых организаций [54].

За 15 лет своего существования СВБ издал 1700 наименований антирелигиозной литературы (4000 вместе со статьями) тиражом более 40 млн экземпляров [55]. СВБ выпускал 14 антирелигиозных журналов и газет (в том числе несколько на языках народов СССР). Тираж газеты «Безбожник», начавшей издаваться в декабре 1922 г. (15 тыс. экз.), вырос с 150 тыс. (октябрь 1924 г.) до 500 тыс. экз. (1931 г.). Тираж журнала «Безбожник», издававшегося с января 1925 г., к декабрю 1928 г. увеличился до 35 тыс., а к 1931 г. – до 200 тыс. экз. Журнал «Антирелигиозник», самое молодое антирелигиозное издание (с января 1926 г.), 84 тыс. экз., в 1927 г. имел 2 тыс. читателей, в конце 1928 г. – 15 тыс., а к началу 1930-х гг. уже мог похвастаться тиражом в 84 тыс. экз. [56]

СВБ курировал 80 музеев. В 1929–1930 гг. антирелигиозной учебой были охвачены почти миллион человек (в том числе 73 тыс. чел. обучались на 11 языках народов СССР).

Численность СБ в 1926 г. составляла 87 тыс. человек (2421 ячейка), в 1927 г. – 138 тыс. (3121 ячейка). В июле 1928 г. СБ насчитывал в своих рядах 250 тыс. человек, к середине 1929 г. – 465 тыс. членов (8928 ячеек), в июне 1929 г. – уже 1 млн, к началу 1930 г. – более 2 млн (35 тыс. ячеек). Крестьян было 40% от общего числа членов СБ (декабрь 1928 г.). Комсомольцы составляли примерно 10% (середина 1930 г.). В июне 1929 г. возрастной ценз для вступления в СВБ был снижен до 14 лет. Группы ЮБ (с 8 лет), насчитывали в своем составе в 1930 г. 1 млн детей, в 1931 г. – 2 млн [57]. В январе 1930 г. Ярославский уверенно говорил уже о 2 млн деревенских безбожников, с гордостью приводя примеры безбожных городов и сел, однако считал достигнутые результаты недостаточными. Он надеялся добиться того, чтобы ячейки СВБ появились повсюду, в каждом учреждении, в каждой деревне. Плановые цифры роста должны были поднять планку общей численности до 10 млн членов (причем 5 млн предполагалось набирать из числа сельских жителей) [58]. К лету 1930 г. ЦС СВБ рапортовал уже о 3-миллионном членстве. После известного призыва XVI съезда ВКП(б) «развить и закрепить... значительные успехи», достигнутые партией в деле борьбы с религиозными предрассудками, руководство СБ пообещало к осени 1931 г. приблизиться вплотную к отметке 6 млн членов. Вскоре, правда, выяснилось, что с обещанием поторопились. Пришлось удовольствоваться четырьмя миллионами. Но в 1932 г. руководство СВБ уже оперировало цифрами в 5,5 млн чел. (60 тыс. ячеек). На VI Пленуме ЦС Союза (1931 г.) Ярославский, патетически восклицал, что за работой СВБ следит с радостью и надеждой пролетариат всего мира и с ненавистью наблюдают все враги социализма [59].

В 1929 г. ЦС СВБ инициировал соревнование, в которое вступили между собой региональные безбожные организации. По ходу соревновательного процесса к нему подсоединялись все новые и новые участники [60]. Появились

безбожные ударные бригады (в 1932 г. их было более 80 тыс.), безбожные колхозы (в 1931 г. – более 300), безбожные бараки [61]. В 1929 г. на собранные усилиями активистов СВБ средства был построен самолет «Безбожник», в 1931 г. – танк с аналогичным названием, в 1932 г. – подлодка «Воинствующий безбожник». В мае 1930 г. СВБ передал Воронежской области тракторную колонну [62]. Антирелигиозное совещание, созванное Средневожским крайкомом ВКП(б) в январе 1931 г., даже упрекало руководство СВБ в том, что оно более занимается хозяйственной деятельностью, нежели непосредственной антирелигиозной пропагандой [63].

С лета – осени 1929 г. в недрах руководства Союза началась разработка пятилетнего перспективного плана СВБ, основные показатели которого, одобренные в конце января 1930 г. Исполбюро ЦС СВБ, были разосланы на места для согласования. В соответствии с планом, к октябрю 1933 г. предполагалось добиться сокращения числа культовых зданий на 80% (до 35 тыс.), числа верующих до 40% (от общего числа жителей), при одновременном увеличением численности рядов СВБ (методом, судя по всему, добровольно-принудительной вербовки) до 17 млн чел. (в опубликованном в апреле 1930 г. печатном варианте плана отсутствовали наиболее одиозные цифры, некоторые показатели были снижены, в частности, вместо 17 млн отныне планировалось расширить ряды СВБ лишь до 8 млн чел.) [64].

Примечания

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.М-1. Оп.3. Д.31. Л.135; Оп.23. Д.742. Л.2.

2. Комсомольская правда. 1927. 15 и 22 апр.

3. РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.2676. Л.14–19.

4. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп.3. Д.34. Л.315, 334–339.

5. Сталин И.В. Соч. М., 1952. Т.10. С.133.

6. Там же. С.324.

7. Там же. С.50.

8. РГАСПИ. Ф.17. Оп.26. Д.1. Л.149; Известия ЦК КП(б)У. 1928. №10–11. С.11.

9. РГАСПИ. Ф.17. Оп.113. Д.683. Л.1, 28, 37, 45, 56, 58; Оп.161. Д.13. Л.4, 5, 7; Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л. 1–9.

10. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л.1–5; Ф. 17. Оп.113. Д. 683. Л. 22–31.

11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.113. Д. 683. Л. 33, 37; Д. 871. Л. 24; Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л. 8–9.

12. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг.: Документы и материалы: В 4 т. Т.2. (1923–1929 гг.). М., 2000. С.819–830.

13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д.723. Л.2, 9–10; Оп.113. Д. 691. Л.1; Д.871. Л.25; Оп.161. Д.13. Л.49–52; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.5263. Оп.1с. Д.7. Л.1–2.

14. Еще в 1927–1929 гг. по инициативе ВЦИК шла работа над законопроектом «О культах и культовом имуществе», действие которого должно было распространяться не только на РФ, но и на СССР. В ходе обсуждения выяснилось, что за относительное смягчение выступали, хотя и не всегда последовательно, Калинин, Красиков, Рыков, Луначарский. Иной была позиция Сталина, Бухарина, Молотова, Ярославского, ратовавших за авторитарный метод руководства религиозной сферой жизни общества. В начале 1929 г. вопрос был перенесен на Политбюро. Директивой Кагановича снимался окончательно вопрос об общесоюзном законе, его заменила данная директива. Она ориентировала на меры административно-политического воздействия, что одновременно дозволяло республикам принимать собственные акты о религиозных организациях.

15. Сводка Информотдела ЦК за январь–июнь 1928 г. свидетельствовала о том, что из 127 парткомов, охваченных анкетированием, 64 в течение полугода в своей работе религиозной тематики не касались вовсе (РГАСПИ. Ф.17. Оп.32. Д.142. Л.15).

16. Лозунг «борьба с религией – это борьба за социализм» был сформулирован в 1922 г. Л.Д. Троцкий в статье «Положение республики и задачи рабочей молодежи».

17. ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.17. Л.87об.; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп.3. Д.34. Л.333–335; Правда. 1929. 4 июля и др.

18. РГАСПИ. Ф.17. Оп.26. Д.26. Л.120, 132–134; Оп.21. Д.463. Л.119–120; Ф. 89. Оп. 4. Д.123. Л. 67.

19. Товарищ комсомол: Документы съездов, конференций и пленумов ЦК ВЛКСМ (1918–1968 гг.): В 2 т. Т.1 (1918–1941 гг.). М., 1969. С.326, 329, 372, 417.

20. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп.4. Д.13. Л.20; Д.43. Л.70–72; Оп.23. Д.961. Л.8.

21. Антирелигиозник. 1929. №6. С.5, 6, 24, 27–28; №7. С.10, 11, 13, 92; Большевик. 1929. №16. С.70–71, 77–78; Комсомольская правда. 1929. 7, 9, 12, 15 июня; Пионерская правда. 1929. 11 июня; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп.3, Д.60, Л.2; Алексеев В.А. «Штурм

небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. С.93–94.

22. Комсомольская правда. 1929. 7 и 9 июня; ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.47. Л.2.

23. Стенографический отчет Второго Всесоюзного съезда Союза Воинствующих Безбожников. М., 1930; Антирелигиозник. 1929. №6. С.6; №7. С.8; Правда. 1929. 4 июля.

24. Своим решением от 25 сентября 1928 г. (одобренным Оргбюро в декабре 1928 г.) Антирелигиозная комиссия ЦК категорически запретила организацию антирелигиозных Диспутов с участием православных священнослужителей и сектантских проповедников, дабы не давать классово-идеологическому противнику трибуну для публичных выступлений. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.113. Д.871. Л.22–23; Оп.161. Д.13. Л.26). Тем самым, Фактически, Антирелигиозная комиссия дезавуировала свое решение от 15 февраля 1928 г., рекомендовавшее ЦК ВКП(б) издать циркуляр, разрешавший проведение антирелигиозных диспутов при условии хорошей подготовленности «с нашей стороны». (РГАСПИ. Ф.17. Оп.113. Д.871. Л.3–5). В сентябре 1929 г. рабочий президиум и бюро ЦС СВБ СССР резко выступили против использования в изменившихся исторических условиях бывших священников в качестве антирелигиозных работников. Была отвергнута инициатива СБ ЦЧО (от 18 сентября 1928 г.) об организации при местных структурах Союза «бюро содействия попам, снявшим сан», так как этот шаг лишь помогал бы, по мнению руководства, организации вокруг СВБ классово-чуждого элемента (ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.14. Л.72, 80–85).

25. РГАСПИ. Ф.17. Оп.113. Д.871. Л.14–16.

26. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.723. Л.10; Оп.161. Д.13. Л.8; Рабочая газета (Москва). 1928. 21 дек.; Антирелигиозник. 1929. №6. С.8, 33; Труд. 1929. 14 июня.

27. Правда. 1927. 22 нояб.

28. ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.14. Л.1; Д.48. Л.121; Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет: Сб. статей. С.289–290; ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.2054. Л.31об.–33; Ф.1141. Оп.2. Д.880. Л.55; Ф.53. Оп.1. Д.1137. Л.26–28 и др.

29. ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.14. Л.14, 31, 32, 36, 37.

30. ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.14. Л.3–9, 14–20; Д.40. Л.54; РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.723. Л.10; Ф.89. Оп.4. Д.140. Л.12; Антирелигиозник. 1929. №7. С.22; Воинствующее безбожие за 15 лет. С.289–290.

31. ГА РФ. Ф.5263. Оп.1. Д.6. Л.12–13; Бюллетень НКВД. 1929. №37 (окт.)

32. Инструкция НКЮ и НКВД от 3.08.1923 г. разрешила членам религиозного общества или их уполномоченным собирать

«Добровольные пожертвования для покрытия расходов, связанных с обладанием культовым имуществом, как то: по отоплению, охране, поддержанию его в чистоте и т.д.». (Церковь и государство по законодательству РСФСР / Сост. П.В. Гидулянов. М., 1974. С.37–38).

33. Постановление 1929 г. в отличие от инструкций 1922–1923 г., предоставляло право пользования богослужебным имуществом религиозным «обществам» (свыше 20 постоянных членов) и религиозным «группам» (менее 20 чел.). В предшествующие годы минимум составлял 50 чел. Впрочем, в Инструкции 1918 г. также речь шла о 20 чел., но оговаривалось право местных совдепов необходимое и достаточное количество членов инициативной группы определять самостоятельно.

34. *Одинцов М.И.* Русская Православная Церковь в XX веке...С.153.

35. На пути к свободе совести: Сб. ст. С.39–40; РО ГМИР. Ф.4. Оп.2. Д.102. Л.1–23.

36. С апреля 1934 г. по 1938 г. – в качестве правопреемника комиссии ВЦИКа выступала Постоянная комиссия по культовым вопросам при Президиуме ЦИКа СССР.

37. ГА РФ. Ф.5263. Оп.1с. Д.1. Л.79об.; Оп.1. Д.6. Л.12–13; *Одинцов М.И.* Государство и церковь: история взаимоотношений (1917–1938 гг.). С.31; СУ. 1929. №75. Ст.353.

38. Наука и религия. 1990. № 6. С.13.

39. ЦГА СПб. Ф.7383. Оп.1. Д.55. Л.47–47 об.

40. На пути к свободе совести. С.47–48.

41. Совершенно секретно... Т.6. 1928 г. М., 2003. С.72, 401, 495–496, 541, 633.

42. Правда. 1930. 15 окт.

43. ГА РФ. Ф.1235. Оп.2с. Д.584. Л.2–5; *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь... С.143.

44. *Поспеловский Д.* Русская Православная Церковь в XX веке. С.159.

45. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг. Т.2. (1923–1929 гг.). С.760–761, 819–830, 914.

46. ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.7. Л.59; Режим личной власти. М., 1989. С.78, 80.

47. РГАСПИ. Ф.17. Оп.32. Д.142. Л.20–23; Оп.161. Д.13. Л.4, 15–19; ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.35. Л.1–14, 31–35, 60–82; Д.69. Л.80–81; Ф.1235. Оп.2с. Д.584. Л.1,9; *Олещук Ф.* Кто строит церкви в СССР. М., 1929. С.76.

48. Летом 1930 г. в стране разразился кризис мелкой монеты. Пресса обвинила духовенство всех конфессий в подготовке этой ситуации, так как именно священники и проповедники годами (наравне со спекулянтами, по мнению властей), прятали се-

ребро в своих кубышках. Органы ГПУ проводят обыски и аресты. Было «изъято много денег», но кризис разменной монеты продолжался (Борьба (Сталинград). 1930. 2 сентября. №198 (3789).

49. ГА РФ. Ф.1235. Оп.2с. Д.584. Л.1–10; Антирелигиозник. 1929. №7. С.33–38; Пролетарий (Харьков). 1928. 12 сент.

50. Антирелигиозник. 1929. №12. С. 83–84 и др.

51. Антирелигиозник. 1929. №7. С.97–100; РГАСПИ. Ф.М-1. Оп.4. Д.43. Л.20; ЦДНИВО. Ф.8. Оп.1. Д.103. Л.68–68 об.

52. Высшими органами СВБ СССР являлись съезд и Пленум Центрального совета (собиравшийся два раза в год). Текущие вопросы решались Исполнительным бюро ЦС, партфракцией ЦС, рабочим президиумом Исполнительного бюро ЦС (в который входили члены бюро, постоянно работавшие в аппарате). В структуре ЦС ведущую роль играли отделы: организационный (секретариат), научно-методический (включавший подотдел нацмен, молодежную и школьно-пионерскую секцию), иностранный (включавший католическую секцию), сектантский. Бессменным руководителем СВБ, председателем Центрального совета являлся Е.М. Ярославский. Заместителем председателя ЦС – А.Т. Лукачевский. Ответственным секретарем ЦС – Ф.М. Путинцев.

53. ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.36–37. Л.15–17; РГАСПИ. Ф.89. Оп.4. Д.140. Л.5–6; Ф.17. Оп.26. Д.1. Л.149; Оп.161. Д.4. Л.130–136; Известия ЦК КП(б)У. 1928. №10–11. С.11.

54. Антирелигиозник. 1929. №7. С.10–14; №12. С.3; РГАСПИ. Ф.89. Оп.4. Д.122. Л.6–7; Д.123. Л.19; Д.145. Л.4; Ф.17. Оп.60. Д.792. Л.68; Д.793. Л.31–32; Оп.113. Д.683. Л.28, 31; ГА РФ. Ф.5263. Оп.1с. Д.7. Л.1–2, 17.

55. ГАИЗ за 1928–1940 гг. 140,2 ман экз. антирелигиозной печатной продукции.

56. Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. С.391; РГАСПИ. Ф.89. Оп.4. Д.26. Л.5; Д.140. Л.12–15; Д.143. Л.30; Правда. 1925. 1 февр.; Антирелигиозник. 1929. №6. С.110–111; 1929. №7. С.29; 1932. №10. С.45–49; Ярославский Е. 10 лет на антирелигиозном фронте. М., 1927. С.10–11.

57. Вопросы научного атеизма. М. Вып. 7. 1969. С.57; Комсомольская правда. 1929. 7 июня; Антирелигиозник. 1929. №7. С.11, 21–22, 102; №6. С.11–12; РГАСПИ. Ф.М-1. Оп.23. Д.961. Л.8; Ф.17. Оп.32. Д.142. Л.25–26; Оп.113. Д.683. Л.28; Ф.89. Оп.4. Д.140. Л.12–14.

58. Антирелигиозник. 1930. №3. С.7, 9.

59. Антирелигиозник. 1930. №10. С.3–4; 1931. №3. С.9, 81, 100; №6. С.3–5; 1932. №7–8. С.4, 6; №11–12. С.40; ГА РФ. Ф.5263. Оп.1с. Д.12. Л.116–118.

60. 30 мая 1930 г. ЦС СВБ признал соревнование почти повсеместно проваленным. (ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.27. Л.46–47).

61. Антирелигиозник. 1929. №6. С.34–35; №7. С.29–30; 1930. №7. С.33–35; 1931. №3. С.83, 100.

62. Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет... С.391; РГАСПИ. Ф.89. Оп.4. Д.140. Л.12–15.

63. ГАСО. Ф.1141. Оп.2. Д.880. Л.37.

64. Комсомольская правда. 1929. 14 июня; Антирелигиозник. 1929. №6. С.59; №7. С.32; №12. С.102; ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.17. Л.51–52; Д.26. Л.4; Д.44. Л.64–65; Д.47. Л.54; РГАСПИ. Ф.89. Оп.4. Д.140. Л.14.

О.В. Натолочная

ПРОТИВООПОЛЗНЕВЫЕ И БЕРЕГОУКРЕПИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ВОССОЗДАНИЯ ГОРОДА-КУРОРТА СОЧИ В 1945–1953 гг.

После Великой Отечественной войны Советами Министров СССР и РСФСР, ВЦСПС, различными союзными и республиканскими Министерствами и Ведомствами были приняты десятки решений, которые определяли развитие города-курорта Сочи, его инфраструктуру. Самым важным среди них было Постановление СНК СССР от 25 февраля 1945 г. за №366 «О неотложных мерах по восстановлению курорта Сочи-Мацеста и проведению берегоукрепительных и противооползневых работ», подписанное И.В. Сталиным [1]. В нем говорилось: «В целях предупреждения дальнейшего разрушения Сочи-Мацестинского санаторно-курортного хозяйства провести в 1945 г. первоочередные берегоукрепительные и противооползневые работы по Сочи-Мацестинскому курорту (постройка волноломов, бун, подпорных стен, ливнестоков и дренажей) с привлечением к долевному участию заинтересованных Наркоматов и Ведомств. Установить объем неотложных первоочередных берегоукрепительных и противооползневых работ на 1945 г. в сумме 21,3 млн р. [2] Согласно Постановлению Совета Министров СССР, берегоукрепительные и противооползневые работы на курорте Сочи-Мацеста, начиная с 1946 г., финансировались в порядке долевого участия Министерствами и Ведомствами, имеющими на курорте санатории и дома отдыха [3].